

Е.А. Болтовская (Могилев)

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ В ИДИОЛЕКТЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Отличительной чертой поэтического мышления М. Цветаевой является синкретичное отношение к грамматическим понятиям [см. 1; 2]. В цветаевском идиолекте можно наблюдать намеренное совмещение категориальных признаков разных частей речи в одной словоформе. Краткие прилагательные бывают синкретичны: 1) с

существительными: *Так в воздухе, который синь – / Жажда, которой дна нет* [3, II, 194]; 2) с глаголами: *Мой шаг изнежен и устал...* [3, I, 200]; 3) с причастиями: *Да, хаосу вразрез / Построен на созвучьях // Мир, и, разьединен, / Мстит (на согласьях строен!)...* [3, II, 235]; 4) с наречиями: *Любовь: зноб до кости! // Любовь: зной до белá!* [3, II, 229].

М. Цветаева вводит в свои тексты индивидуально-авторские дефисные новообразования, находящиеся на пересечении лексики и синтаксиса: *Смерти: инея на уста-красны* [3, II, 255]; *млад-лебедь* [3, II, 251]; *ох сокол-мой-безус* [3, II, 105]; *сударь-брав* [3, II, 169]; *гость-хромоног* [3, II, 105]; *путь-мой-широк* [3, II, 105]. Л.В. Зубова называет такие единицы аппозитивными сочетаниями, считая, что они «...являются результатом синтаксической компрессии» [1, с. 216]. Неразличение краткого прилагательного и существительного возвращает нас к истокам древнерусского языка, к былой мощи краткого прилагательного, исторически являющегося первичной формой этой признаковой части речи. Постпозиция краткого прилагательного позволяет ему вновь, как в древности, приобрести грамматические свойства существительного. В препозиции краткая форма играет роль постоянного эпитета. Так, в русле народно-поэтических *чиста-злата* [3, II, 258]; *мил-друг* [3, II, 277]; *с синя-Дуная* [3, II, 252] М. Цветаева в стихотворении «Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...» [3, I, 435] сначала вводит форму *белы-лебеди*, а затем предлагает по аналогии форму *белы-рыцари* – ‘чистые’, ‘святые’, ‘противостоящие большевикам, т.е. «красным»’. Происходит совмещение традиционного символического значения слова и более современного с наложением положительных авторских коннотаций: ‘близкие к народу по духу’, ‘исконно русские’, ‘родные’. Аппозитивным сочетаниям свойственна представленность в стихотворных циклах «Ханский полон», «Маяковскому», «Сугробы», «Плач цыганки». Интерес М. Цветаевой к «пограничным грамматическим явлениям» [2, с. 78] предопределяется поэтикой предельности.

Грамматический синкретизм может возникнуть у компаративных форм на почве отсутствия у них способности к согласованию. При чем если в языковой практике отличить форму компаратива прилагательного от формы наречия или слова категории состояния помогают семантические, морфологические и синтаксические признаки, то в поэтической речи эти факторы не всегда существенны: *Не для тысячи судеб – / Для единой родимся. / Близже, чем с ладонью хлеб – / Так с тобою сходимся. // Не унес пожар-потоп / Перстенка червоного! / Близже, чем с ладонью лоб / В те часы бессон-*

ные [3, II, 75]. В первом контексте *ближе* является наречием образа действия и в качестве обстоятельства распространяет сказуемое. Во втором же главные члены предложения отсутствуют, а форма 1-го лица множественного числа глагола вместе с местоимением в форме творительного падежа в предыдущем контексте настойчиво сигнализируют о субъекте (*мы*). Если считать, что по аналогии с предшествующей строфой, вторая форма *ближе* относится к пропущенному глаголу, то она, несомненно, наречие. Но если предположить, что *ближе* как сказуемое связано с пропущенным подлежащим, выраженным личным местоимением (а смысл подсказывает именно такую интерпретацию), то это компаратив прилагательного. *И эту честь последнюю поправ, / Прениже ног твоих, прениже трав* [3, I, 532] – используя деепричастный оборот, автор не называет производителя действия, поэтому повторенную форму компаратива можно рассматривать как в качестве наречия, так и в качестве прилагательного. Учитывая, что обыгрывается смысл поговорки «тише воды, ниже травы», которая употребляется по отношению к тому, «кто держится приниженно, робко» [БАС, XV, 487] только в позиции сказуемого, скорее всего, с помощью повтора имен прилагательных гиперболизирован образ предельного самозабвения лирической героини во имя любимого.

Таким образом, М. Цветаева успешно пользуется способностью одной формы выражать различные категориальные значения. Подобные употребления позволяют ей отобразить состояние субъекта повествования в обобщенном виде, вне частеречной разъятости слов. В цветаевском поэтическом мире настолько остро поставлены проблемы разлук (*...не было равной – / В искусстве Разлуки!* [3, II, 32]), неравенства (в любовных чувствах, в социуме, в творчестве), что для их преодоления поэт обращается к воссозданию первоначального языкового синкретизма семантико-грамматических значений слов.

Литература

1. Зубова Л.В. «По следу слуха народного»: синкретизм и компрессия слова в поэме «Молодец» // Марина Цветаева. Песнь жизни: сб. ст. – Париж, 1996. – С. 207–218.
2. Зубова Л.В. Синкретизм в поэзии М. Цветаевой // Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: лингвистический аспект. – Л., 1989. – С. 56–109.
3. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.